

Г

Гольшанские РОДИЧИ КОРОЛЕЙ

«Гедиминовичи. Очень древний белорусский род. Многочисленные поместья по Неману и Птичи, несколько собственных городов. Все время высокое положение. Подкрепляли его тем, что королям города дарили», – так описывал этот древний род Владимир Короткевич в замечательном романе «Черный замок Ольшанский». Гольшанские – или Ольшанские – старинный магнатский род, помимо Гольшанского княжества владевший значительными землями на территории нынешних Беларуси, Литвы и Украины. Его представители – не только мужчины, но и женщины, – воюя, бунтуя, заключая браки, несколько поколений подряд творили историю нашей страны.

Откуда есть пошли...

История этого рода теряется в веках. В те далекие времена славные имена кочевали не только из поколения в поколение, но и из рода в род, а хронисты зачастую стремились быть не столько точными в деталях, сколько лояльными к правителю своей земли. К тому же, не имея достоверных сведений, они порой руководствовались слухами,

а иногда и вовсе описывали какое-то событие спустя годы после того, как оно произошло. Стоит ли удивляться, что сведения, которые исследователи старинных рукописей находят в различных летописях тысячелетней давности, расходятся, а порой и противоречат друг другу. Именно по этой причине происхождение Гольшанских – предмет жарких споров историков. Прародителем этого древнего семейства был человек княжеского происхождения по имени Гольша. Но вот какого именно рода?

Семейные предания Гольшанских причисляют Гольшу к потомкам литовского князя Довспрунка, имя которого упоминается в Галицко-Волынской летописи. Правда, письменных источников, подтверждающих данную версию, на сегодняшний момент не найдено, однако семейство упорно цеплялось за эту легенду. И немудрено – очень уж почетным выглядело такое родство. Древние хронисты указывают, что Довспрунк был братом легендарного Миндовга, основателя Великого княжества Литовского, а заодно и первой королевской династии в здешних краях. Правда, некоторые источники называют Гольшу братом или даже отцом Миндовга, однако и по сравнению с не слишком достоверными сведениями из Галицко-Волынской летописи они вызывают сомнения.

Впрочем, существует и еще одна версия, причем не менее почетная для магнатского семейства. Согласно некоторым летописям, например, Воскресенской или «Хронике литовской и жемойтской», Гольша был потомком полоцкого князя Романа по прозвищу Волк – правнука самого Всеслава Чародея.

Сколько сыновей было у Гольши, история умалчивает. Неизвестно и то, кто основал Гольшаны, ставшие родовым гнездом магнатского семейства – во всяком случае, первое летописное упоминание об этом поселении относится к XIII веку, что соотносится с временем жизни Довспрунка, умершего предположительно между 1219 и 1238 годами, и на сотню лет позже, чем жил князь Роман. Впрочем, сам по себе этот факт не подтверждает и не опровергает ни одну из версий: Гольшаны могли существовать и до этого, просто не попадая в поле зрения древних хронистов.

На перепутье

А вот первые упоминания о потомках Гольши относятся ко второй половине XIV столетия – исторически достоверным родоначальником Гольшанских считается князь Иван Ольгимундович. И о нем мы уже знаем довольно много. Иван Гольшанский был верным соратником и доверенным лицом Витовта, великого князя литовского. И, похоже, его личным другом – мог ли иначе князь доверить ему собственную дочь? А ведь именно Иван сопровождал княжну Софью в Москву, где она в 1390-м стала женой Василия I, сына Дмитрия Донского. К слову, это была

Свидригайло

не первая его дипломатическая миссия: тремя годами раньше он побывал с посольством в Новгороде, да и после не раз представлял интересы своего монарха за границей. Кстати, Иван Гольшанский даже породнился с Витовтом, причем дважды. Его супруга Агриппина была сестрой второй жены великого князя, а дочь Ульяна (или Юлиана) стала третьей женой правителя ВКЛ.

В 1397-м Иван Ольгимундович стал наместником Витовта в Киеве. И хотя письменных свидетельств о его деятельности немного, судя по всему, он хорошо позаботился об интересах своего князя и страны: следующими наместниками были назначены один за другим двое из его 5 сыновей, Андрей и Михаил. В записях, датированных 1422 годом, Михаил Гольшанский упоминается как князь киевский.

Вторая четверть XV века стала беспокойным временем для нашей страны. В 1401-м была подписана Виленско-Радомская уния, согласно которой Витовт, великий князь литовский, принес присягу своему кузену Ягайло, королю польскому. Взамен тот признавал пожизненное право Витовта на престол, однако после его смерти ВКЛ должно было перейти под руку Речи Посполитой. Этот договор многие сочли позорным, однако он почти на 30 лет обеспечил

Легенда о Китоврасе

Говоря о любом дворянском семействе средневековой Европы, нельзя обойти вниманием его родовой герб. Гольшанские были одними из тех литовских шляхтичей, на чьих щитах красовался Китоврас. Китоврасом, или Гипоцентавром, на наших землях называли существо, пришедшее из античных мифов – кентавра. Каноничный вид этого герба – человеческий торс с головой и руками на лошадином теле со змеей вместо хвоста, в которую он целится из лука – был закреплен в XVI столетии. Однако его история намного старше. На землях ВКЛ она напрямую связана с преданиями, кочующими в различных вариациях из хроники в хронику – специалисты, изучающие раннюю славянскую государственность, знают их под общим названием «Легенда о Палемоне».

События, описанные в этих источниках, относят происхождение некоторых шляхетских родов аж ко временам Древнего Рима: якобы этот герб принесли с собой люди, сбежавшие из Италии от войны Цезаря с Помпеем. Предводителем их был некто Палемон Либон. Древние хроники утверждают, что он осел на литовских землях и даже основал шляхетскую династию Палемоновичей. Имена ее представителей порой всплывают в литовских хрониках, а среди тех, чьи предки пришли с Палемоном, летописи называют многие магнатские и шляхетские рода – в том числе и Довспрунков, вероятных предков Гольшанских.

Увы, проверку временем и научным анализом эта легенда пройти не смогла. Сегодня исследователи доказали: вся эта история – грандиозная мистификация, начавшаяся еще в XV – XVI столетиях. Причиной ее называют желание крупных шляхетских родов подчеркнуть свою древность, возможно, для большего веса в борьбе за очередной престол. Первые достоверные упоминания о литовских и славянских князьях относятся к временам, отстоящим от войны Цезаря с Помпеем на добрую тысячу лет, IX – X векам.

Сомнения вызывает лишь один момент: герб действительно существует. Те же Гольшанские, как и некоторые другие семейства, использовали его задолго до того, как в хрониках начала всплывать легенда о Палемоне, и источники, которые это подтверждают, пользуются доверием ученых. Откуда же на шляхетских щитах взялся Китоврас? Сегодня ответа на этот вопрос у историков нет.

Речи Посполитой и ВКЛ спокойную жизнь. Но в 1430-м Витовт умер. Согласно унии, нового правителя ВКЛ должны были избрать польский король и сейм – и претендент был найден: родной брат Витовта Сигизмунд казался кандидатурой, способной удовлетворить всех. Однако брат самого Ягайло, витебский князь Свидригайло, предъявил права на литвинский престол. Это стало началом кровопролитной гражданской войны.

Свидригайло отлично понимал, что силы ВКЛ уже не те, что раньше, и в одиночку оно не выстоит ни на политической арене, ни тем более в случае войны. Однако не желал, чтобы страна и дальше шла рука об руку с Речью Посполитой, постепенно все больше утрачивая самостоятельность, – его больше привлекал союз с Московским княжеством. Именно Киев стал тем центром, вокруг которого формировалась партия верных ему шляхтичей-литвинов. И Михаил Гольшанский вместе с братом Семеном, наместником Витовта в Новгороде, поддержал Свидригайло.

В отличие от родича, Семен был военачальником, а не политиком. В историю он вошел под прозвищем Лютый, однако сегодня сложно сказать, получил он его до этих событий или именно благодаря им. Так или иначе Гольшанские стали ядром «прорусской» партии Свидригайло: именно они нанесли Сигизмунду самый серьезный урон, разбив его войска в битве под Молодечно в июне 1433-го, а потом захватив и предав огню Минск.

Это была важная победа, но, несмотря на нее, дела Свидригайло и его сторонников складывались не лучшим образом. Да и его политика все меньше устраивала шляхту. Так что тем же летом братья Гольшанские сменили сторону, поддержав Сигизмунда, и в награду получили от него Борисов, который род присвокупил к своим многочисленным владениям. Увы, это не принесло им счастья: Свидригайло не простил предательства. Буквально через несколько дней Семен Лютый был пленен и казнен. А в августе та же судьба постигла и Михаила: князя захватили в его новой вотчине, Борисове, и утопили в реке.

Ягайло и его жены – Ядвига, Анна, Эльжбета, Софья

Женщина в истории

Историю средневековых государств по большей части творили мужчины. И если уж женщине доводилось войти в нее не как дочери, жене или матери, но как политической фигуре, то ее однозначно можно считать яркой и сильной личностью. Была такая и в роду Гольшанских. Отцом Софьи был Андрей Иванович, сын князя Ивана Ольгимундовича. Матерью – друцкая княжна Александра. А ее супругом стал сам Ягайло.

Летописи гласят, что, возвращаясь с победой из успешного похода – после взятия Смоленска, – два кузена-правителя, Витовт и Ягайло, остановились в доме друцкого князя Семена. Пожилой король увидел двух его племянниц – Василису и Софью – и влюбился в младшую из них. Вот как летопись «Хроники Быховца» описывает это событие: *«И просил Ягайло Витовта, говоря ему так: «Было у меня уже три жены, две польки, а третья немка, а потомства они не оставили. А теперь прошу тебя, высватай мне в жены у князя Семена младшую племянницу Софью, она из рода русского, и может быть, бог даст мне потомство».* Справедливости ради нужно отметить, что от первых двух жен у короля были дочери, однако ему обязательно нужен был сын, ведь согласно Виленско-Радомской унии, если Ягайло не оставит наследника, выбор нового короля должен был быть доверен литовской шляхте. Потому трудно сказать, как

Витовт отнесся к желанию престарелого родича жениться в четвертый раз, однако хроники не указывают, что он противился этому браку. Зато князь Семен выступил резко против: Софья была младшей из сестер, и по обычаям того времени отдать ее замуж раньше старшей стало бы позором для обеих. Выход был найден: Василису скоропалительно отдали замуж за племянника Ягайло, и в феврале 1422 года король женился на своей избраннице.

Польская шляхта не одобрила выбор своего монарха: этот брак усиливал влияние Витовта. Во-первых, София была племянницей его жены. Во-вторых, несмотря на то, что невеста перешла в католицизм, свадьба состоялась в Новоградке, древней столице ВКЛ, а не в столице Речи Посполитой

Печать королевы
Софьи Гольшанской

Кракове, а обряд проводил епископ виленский Матей. А усугублялось дело тем, что они уже выбрали наследницу престола – дочь Ягайло от предыдущего брака Ядвигу, обрученную с сыном курфюрста Бранденбурга, – и этот династический брак сулил огромные политические перспективы. Да и самому королю уже присмотрели выгодную партию – вдову короля Германии и Чехии.

Находясь под таким давлением, Ягайло не спешил с коронацией Софьи – являясь женой короля, она не была королевой. Ее позиции при дворе были настолько непрочными, что, когда королю доводилось оставлять супругу одну – военные кампании не давали ему выбора, – шляхта несколько раз пыталась сместить ее. Правда, вскоре политические успехи Витовта начали растапливать лед, а сама Софья оказалась достаточно дальновидна и активна, чтобы поддержать родича. А ее влияние на короля привело к тому, что уже к концу года представители всех политических партий начали искать ее расположения. Когда же Витовту удалось взять Прагу и посадить на чешский трон своего ставленника, шляхта окончательно оттаяла. Осенью 1423 года Ягайло назначил дату коронации супруги – церемония должна была состояться в Рождество Христово. Она не состоялась (историки не смогли установить почему), однако фактически Софья уже выполняла все обязанности королевы. Ей довелось в отсутствие мужа принимать заграничных послов и даже иностранных монархов – в частности, короля Норвегии, Дании и Швеции Эрика Померанского.

Коронация все же состоялась – в марте 1424-го. К тому моменту Софья уже ждала ребенка. Согласно бытовавшим в те времена поверьям, союз пожилого мужчины и юной

Ягайло

девушки обязательно будет плодовитым. Этот брак был именно таким: Ягайло, по разным сведениям, было от 60 до 71 года, Софье – всего 17. И в их случае суеверие сработало: в октябре она родила королю долгожданного сына – Владислава Варненчика. Правда, венценосным супругам пришлось побороться за признание за ним прав на престол: должность короля в Речи Посполитой была выборной. Ситуация осложнялась тем, что даже многие из тех, кто соглашался возвести на трон Владислава, были против регентства Софьи. Лишь через год был подписан и утвержден документ, гарантирующий права королевы и наследника.

Второй сын Ягайло и Софьи не прожил и года, а вот рождение третьего, Казимира Ягеллончика, еще больше упрочило позиции королевы. После смерти супруга она вошла в регентский совет при 10-летнем Владиславе и еще долгие годы имела сильное влияние на старшего сына. Как, впрочем, и на младшего. Когда Владислав Варненчик погиб в бою с турками у Варны, Казимир, к тому моменту уже великий князь литовский, отказался принять корону, боясь ослабления ВКЛ, своей новой вотчины. И лишь мольбы королевы-матери убедили его согласиться, а польскую шляхту – повременить

Отдельные источники указывают, что Софья Гольшанская приняла участие в политической жизни сразу же после свадьбы. В 1422 году Ягайло и Витовт принимали в Лиде посланника папы римского, стряпчего Антония Зено, который должен был ознакомиться с положением дел в этих удаленных от Ватикана владениях Святого престола. Будущая королева, по свидетельствам современников, не только присутствовала на встрече и была представлена послу, но и принимала участие в беседе как новообращенная католичка.

Феликс Сыпнейский. «Присяга королевы Софьи», иллюстрация 1873 года

с поиском и коронацией другого претендента. В 1447-м он был коронован как Казимир IV.

Софья Гольшанская была заметной фигурой в политической жизни Речи Посполитой. Она пережила обвинения в супружеской неверности и в попытке отравления княжны Ядвиги, имевшей права на польский престол. И оба раза ее оправдывали, не найдя за ней вины; во втором случае, как указывают отдельные хронисты, сама Ядвига поклялась на смертном одре, что не была отравлена. Современники описывают Софью как умную женщину, способную как на непримиримое противостояние, так и на тонкие политические ходы и компромиссы. И после смерти супруга, и после воцарения сыновей ее влияние не снижалось практически до самой смерти.

Однако ее вклад не ограничился только этим. Не получившая образования королева (отдельные источники утверждают, что она научилась читать только после свадьбы), была единственным и весьма щедрым покровителем Краковского университета. Она же стала инициатором первого в истории перевода Библии на польский язык – и хотя этот труд был закончен уже после ее смерти, книга носит название «Библия королевы Софьи». Ее же именем неофициально называют часовню Св. Троицы в Вавельском кафедральном костеле, которую построили по приказу – и на средства – королевы.

Пожалуй, Софья – самая известная из Гольшанских. О ней писали и пишут романы и пьесы, представляя ее то амбициозной правительницей, то слабой женщиной в вихре политических пертурбаций, то матерью, беззаветно преданной своим сыновьям. А ее реальную биографию между тем изучают до сих пор – очень уж много загадок, недомолвок и непроверенных сведений оставили нам древние хронисты.

Страница из «Библии королевы Софьи»

В дебрях большой политики

Софья Гольшанская была весьма значительной фигурой своего времени, однако и ее родичи не стояли в стороне от политической жизни ВКЛ и Речи Посполитой. И за сухими жизнеописаниями и упоминаниями в хрониках скрываются нешуточные страсти и неожиданные перипетии.

Кузен королевы, сын Семена Лютого Юрий Гольшанский плечом к плечу с Радзивиллами и другими магнатскими родами выступил за возведение на престол ВКЛ 14-летнего сына Софьи Казимира, а по некоторым данным, и стал советником своего двоюродного племянника. Некоторые историки высказывают версию, что именно Юрий отговаривал Казимира принимать польскую корону, опасаясь, что Великое княжество Литовское окончательно утратит самостоятельность. Однако когда тот внял мольбам матери, смирился.

А вот сыновья Юрия были настроены гораздо более решительно, выступив против Казимира. Оскорбленные ущемлением прав православных в сравнении с католиками, они вместе с Олельковичами и Бельскими организовали в 1481 году заговор и покушение на великого князя – их целью было присоединение восточной части земель ВКЛ к православному Великому княжеству Московскому. Но заговор раскрылся, покушение не состоя-

лось, а Иван Юрьевич Гольшанский вместе с Михаилом Олельковичем были казнены. Это укротило пыл остальных братьев – вскоре они, как и большая часть рода Гольшанских, перешли в католицизм и разделили владения казненного брата.

Такое решение вернуло им расположение Казимира. Самый успешный из внуков Семена Лютого, Александр Юрьевич Гольшанский, пошел на государственную службу и долгое время носил титул господарского кравчего. В 1488-м был назначен наместником Гродненским, а в 1498-м – каштеляном Виленским. Он пользовался расположением короля и существенно расширил владения своего рода. А в своем завещании оставил часть земель, в том числе Гольшанское княжество, сыну казненного брата Юрию Ивановичу Гольшанскому. Его собственные сыновья занимали различные должности при дворе, а один из них, Павел Александрович, став епископом Луцким, побывал в Риме и принял участие в XVIII Вселенском соборе. Будучи ярким католиком, он был и верным сторонником великого князя литовского и короля польского Сигизмунда Старого и даже отписал часть своих владений ему и его жене, знаменитой Боне Сфорца. Это подтолкнуло его вверх по карьерной лестнице – в 1536 году он стал епископом Виленским.

Казимир IV Ягеллончик,
великий князь литовский, король польский

Павел Александрович Гольшанский,
епископ Виленский

**Памятная монета
Нацбанка Беларуси,
2006 год**

Павел Гольшанский вошел в историю как светоч Ренессанса на литвинских землях. Он покровительствовал искусству и заказывал свои портреты и другие произведения итальянским мастерам. Он занимался различными науками, собрал богатейшую библиотеку, изучал историю и геральдику Великого княжества Литовского. А часть своего состояния отдал на возведение нескольких храмов и восстановление уничтоженного пожаром виле-

ского кафедрального собора Св. Станислава и Св. Епископа Владислава. При этом епископ был ярким борцом с Реформацией – он призвал священников беспощадно обличать в своих проповедях подобную ересь, а Сигизмунда пытался подтолкнуть к репрессиям против протестантов.

Остальные представители рода Гольшанских занимали различные должности, однако, увы, не достигли больших карьерных высот. Они сохранили свое состояние и даже приумножили его, благодаря многочисленным удачным бракам породнившись со знатными семьями Речи Посполитой и Русского царства. Однако большая политика уже не жаловала их. Звезда Гольшанских начала клониться к закату.

Последним в роду стал Семен Юрьевич Гольшанский, правнук Ивана Гольшанского, казненного Казимиром IV. Он был дважды женат, однако ни в одном браке не имел детей, и после его смерти в 1556-м наследство было разделено между его 6 сестрами. Род магнатов Гольшанских сошел с исторической арены навсегда. Теперь его имя носит лишь агрогородок Гольшаны в Ошмянском районе Гродненской области, на гербе которого, как и встарь, красуется вооруженный луком Китоврас.

Татьяна Семенюга

